

В.Н. ПОРУС, Ю.М. РЕЗНИК

О СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ (23 марта 2020 г.)

***Аннотация:** Уважаемые коллеги! Предлагаем Вам принять участие в обсуждении некоторых проблем развития современной отечественной философии. Дело в том, что философия переживает сегодня настоящий кризис. Это относится в полной мере и к нашей философии, которая становится всё менее востребованной в институциональном плане (сокращаются учреждения, должности, издания, преподавание и пр.).*

Главная проблема нынешнего кризисного развития отечественной философии состоит в том, что она постепенно превращается в побочный продукт интеллектуального развития общества. Она давно не определяет «повестку дня» так называемой мировой философии, переставая быть тем, чем была раньше — смыслотворческой, мировоззренческой и просветительской деятельностью и превращаясь всё больше в методологический придаток прикладной науки или инструмент политической идеологии.

Авторы размышляют о поколениях в отечественной философии, её устоявшихся направлениях, институциональных проблемах, философских коммуникациях, о «центре» и «периферии» в философском сообществе, о лидерстве в философии, о самоорганизации философов и деятельности такой организации, как Российское философское общество, о роли Российского философского конгресса, о содержании и характере философского образования, наконец, о системе определения научного рейтинга и его отношении к оценке качества результатов философских исследований.

***Abstract:** Dear colleagues! We invite you to take part in discussion of some problems of the development of contemporary Russian philosophy. The fact is that philosophy is in a real crisis today. This applies fully to our philosophy, which becomes less and less in demand in institutional terms (institutions, jobs, publications, teaching, etc. are being reduced).*

The main problem of current crisis condition in Russian philosophy is that it is gradually turning into by-product of the intellectual development of society. It does not define the «agenda» of so-called world philosophy for a long time, ceasing to be what it was before, namely a meaning-

Порус Владимир Натанович — доктор философских наук, доцент, научный руководитель Школы философии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ (Москва). E-mail: vnporus@hse.ru;

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра философских коммуникаций Института философии РАН (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru.

constructing, world-orienting and enlightening activity, and becoming increasingly a methodological appendage to applied science or an instrument of political ideology.

The authors reflect on the generations in Russian philosophy, its established trends, institutional problems, philosophical communications, the «center» and «periphery» in the philosophical community, leadership in philosophy, the self-organization of philosophers and the activities of an organization such as the Russian philosophical society, the role of the Russian philosophical Congress, the content and nature of philosophical education, and finally, the system for determining the scientific rating and its relation to assessing the quality of the results of philosophical research.

Ключевые слова: философия, философы, философское сообщество, направления философских исследований, поколения в философии, Российское философское общество, философское образование, бюрократия, Российский философский конгресс, научный рейтинг.

Keywords: philosophy, philosophers, philosophical community, directions of philosophical research, generations in philosophy, Russian philosophical society, philosophical education, bureaucracy, Russian philosophical Congress, scientific rating.

Ю.Р.: Владимир Натанович! Недавно на страницах журнала «Личность. Культура. Общество» мы опубликовали дискуссию на тему «Отечественная философия: люди, система идей и институты» [1]. В ней приняли участие многие известные философы. Приведу вопросы, которые там поднимались и обсуждались. Хотелось бы услышать ваши ответы на них.

Начну первого вопроса. Можете ли Вы назвать пять крупнейших российских философов мирового уровня, сопоставимых с именами Декарта, Канта, Ницше, Хайдеггера, Делёза, Фуко или хотя бы приближающихся к ним по масштабу мысли? Если нет, то что мешает им появиться? Или мы живём в век медийных персонажей и коллективных идеологических машин? И времена великих гениев ушли? Или этих гениев делают только их последователи, спустя много десятилетий после их ухода из жизни?

В.П.: Среди моих коллег найдутся любители называть «пятерки» или «десятки» сильнейших философов России и мира, как будто речь идет о звездах эстрады или спортсменах. Я не из их числа. Думаю, что подобные размышления бесплодны. Из того, что никто из российских футболистов не станет рядом с Лионелем Месси, не следует, что футбол в нашей стране не нужен болельщикам. С философией дело обстоит иначе. Возможно, именно потому, что российская философия оказалась на задворках общественного интереса, наши философы, какими бы ни были их интеллектуальные и духовные потенции, не могут и помыслить себя в роли культурных героев нашего отечественного времени.

Пора уже прекратить ссылаться на «мрачное прошлое» тоталитаризма, как на причину вырождения философской мысли нашей страны. После развала тоталитаризма прошло уже три с лишним десятка лет, а Кватроченто отечественной философии не наступило, время растрчено на подражание иноземным образцам и накопление переводной литературы для утоления умственной жажды. Насыщение, однако, вызвало не всплеск творческой активности, а желание расслабиться. Пока философы наслаждались дарованной свободой, сформировалось и отношение к ним как к сибаритам, паразитирующим на общественном равнодушии. Особенно это заметно, если поглядеть на отношение к философии со стороны ученых, не говоря уже о роли приживалки, какую философия играет в вузах.

Я не знаю, что такое «мировой уровень» философии. Сравнимы ли по уровню С. Жижек, М. Даммит, В. Степин, Ю. Хабермас и С. Фуллер? Применим ли к фило-

софам различных направлений, иногда глубоко противных друг другу, один и тот же «масштаб мысли»? В таком вопросе звучит все та же «эстрадно-спортивная» интонация. Но, разумеется, можно говорить о медийной «популярности» того или иного автора в определенной культурной среде. Здесь Россия играет заметную роль, «раскручивая» западноевропейских или североамериканских авторов, наверное, больше, чем какая-либо иная страна. В этом легко убедиться, взглянув на темы философских диссертаций, статей и монографий.

О гениальности, признаваемой прижизненно или посмертно, я предпочел бы не говорить вовсе. Оставим этот вопрос потомкам.

Ю.Р.: *Не могу с Вами согласиться во всём, Владимир Натанович. Вы правы, конечно, что рейтинги философов расставляет история. Но наша история — коварна. Её уже столько раз переписывали, в т.ч. и наши коллеги по профессиональному цеху. Далеко не каждое поколение философов пишет историю своей философии в лицах.*

Сегодня это получилось у поколения, к которому принадлежал В.С. Стёпин и его соратники. Именно они инициировали издание серии «Философия России второй половины XX века». Уже изданы сборники статей, посвященные известным философам, в т.ч. М.К. Мамардашвили, Ю.М. Лотману, А.Ф. Loseву, Э.В. Ильенкову, А.А. Зиновьеву, В.С. Библеру, Г.С. Батищеву, Э.Г. Юдину, Г.П. Щедровицкому, И.Т. Фролову, В.А. Смирнову, С.Л. Рубинштейну, М.К. Петрову, Л.Н. Митрохину, М.А. Лифцишу, П.В. Копнину, Б.М. Кедрову, М.М. Бахтину, В.Ф. Асмусу и др. Издан сборник «Российская философия продолжается: из XX века в XXI», в который включены статьи об идеях академиков В.С. Стёпина, Т.И. Ойзермана, А.А. Гусейнова и В.А. Лекторского. Надеюсь, что в эту серию войдут и книги о таких философах, как В.Ж. Келле, А.П. Огурцов, В.М. Межуев и др., которые оставили заметный след в современной отечественной философии. Кроме того, вышли сборники «Как это было: воспоминания и размышления» (М., 2010), «Проблемы и дискуссии в России во второй половине XX века» М., 2014).

Таким образом, была воссоздана картина развития философии в лицах и идеях второй половины XX в. Но кто напишет историю философии с другими действующими лицами, вошедшими в неё в 1990-е гг.? Хватит ли материала тем, кто будет писать о новых поколениях в современной отечественной философии? Я не уверен.

В.П.: Вы спрашивали, есть ли в нынешней российской философии гениальные или хотя бы выдающиеся личности. Это вопрос опять же не ко мне, а к истории. Мои личные оценки и предпочтения вряд ли так уж важны большинству читателей, к которым мы обращаемся. Вы назвали внушительный ряд имен, каждое из которых заслуживает упоминания в истории отечественной философии. Кто и когда напишет такую историю, я этого сегодня не знаю. Конечно, время расставит всё по своим местам. А историки скажут свое слово, если будет на то признанная потребность.

Но история любой науки, а философии тем более, это не паноптикум с перечислением регалий и заслуг, не определение каких-то рейтингов ученых и мыслителей.

Я думаю, что будущим историкам придется задуматься над тем, почему за последние четверть века плеяда российских философов редко пополнялась известными в России и в мире именами. Это важный вопрос. Отвечая на него, историк непременно вспомнит о том, что философия — это самосознание культуры. Какова культура, таково и её самосознание.

Бывают времена, когда философские тексты лишь косвенным образом выражают процессы, происходящие в этом самосознании. Для их понимания требуется осо-

бая герменевтика. Я хочу сказать, что будущим историкам отечественной философии придется научиться «расшифровыванию» этих текстов, связывать их с социальным и культурным контекстом эпохи. И в этом контексте многое из того, что ныне кажется значительным, покажется мелким, а то, на что современники не обратили особого внимания, обнаружит свою значительность.

Относится ли это к нынешнему времени? Уверен, что относится и самым прямым образом. Так что на Ваш вопрос, я бы коротко ответил так: поживем — увидим.

Ю.Р.: Владимир Натанович! Кстати, я не спрашивал Вас про гениальных людей. Речь шла лишь о философах мирового уровня.

Продолжу. Бытует мнение, что философия — это то, чем занимаются философы. Но то, чем они занимаются, можно назвать производством идей, концептов и конструкторов, описывающих и объясняющих мир сквозь призму всеобщего. Так считают многие исследователи, хотя далеко не все из них. Насколько, на Ваш взгляд, применим парадигмальный подход к развитию отечественной философии? Другими словами, существуют ли в ней парадигмы как образцы постановки и решения проблем? Или речь идёт о крупных исследовательских программах, которые объединяют сторонников базовых идей, делая их единомышленниками и соратниками? Что лучше использовать в качестве критерия выделения основных направлений развития философской мысли в России — парадигмы или программы?

В.П.: Обсуждать вопрос о предмете философии и специфике ее занятий — дело не новое. На него нельзя дать ответ «раз и навсегда». В разные времена и в разных культурах философия жила и определяла свои пути по-разному. В иных условиях она существует маргинально, если вообще существует. Культура может и не иметь самосознания, как не имела его культура туземцев Тробрианского архипелага, о которой писал Б. Малиновский. Если культурная роль философии стала ничтожной — по каким бы то ни было причинам, — можно сказать, что гаснет самосознание культуры, становящейся «туземной».

О философских «парадигмах» можно говорить в условном смысле. Разумеется, не в том, в каком этот термин употреблял Т. Кун, выстраивая свою концепцию смены фундаментальных научных теорий. В философии, видимо, следовало бы говорить о возвышении или умалении некоторых мировоззренческих и методологических идей в творчестве крупных мыслителей и их последователей. Было ли учение Канта об априорности синтетических суждений в научном естествознании парадигмой? Можно ли говорить о парадигмальности позитивистских или экзистенциалистских методологических установок? Или о гуссерлевской феноменологии как парадигме в исследовании познавательных процессов? Я думаю, это было бы свехупрощением.

То, что можно назвать «базовыми идеями» в философии, это — проблемные узлы, представленные вместе с попытками их развязывания. Это относится и к философским «проектам» мировоззрения или культуры. Те, кто стремятся придать таким инициативам эффективность, сделать их образцами для подражания, а иногда — превратить в матрицу, когда из разрозненных объяснений выдавливаются «универсальные» модели и конструкции, могут более-менее искренно называть себя приверженцами или соратниками. Замечу, что не из них, а из «еретиков», подвергающих сомнению и переосмыслению преобладающие в философской среде идеи, получают фигуры, привлекающие внимание историков мысли. Хотя не всякие «еретики» этого заслуживают: бывают и фанфароны, сенсационными выкриками привлекающие к себе внимание.

Термин «программа» надо применять к философским исследованиям с ещё большей осторожностью. Скажу больше: так называемые «философские программы» бывают губительны для философии. Ведь философия жива конфликтом решений её вопросов, она всегда в сомнениях, в поиске, в споре. Программа же подразумевает достижение результата, хотя бы в контурах уже известного её разработчикам. А они часто имитируют философию, подменяя её материалом, «заимствованным» из специальных научных исследований. Такова, к примеру, программа по созданию искусственного интеллекта, роль философов в выполнении которой бывает так мизерна, что им приходится искусственно её раздувать и всячески прокламировать, называя программу «философской».

Когда говорят о программах и парадигмах в русской философии, трудно понять, о чем идет речь. После долгих лет игнорирования или подавления русской религиозной философии, возобновление интереса к ней иногда выдавалось за выполнение некой мифической программы или за порочное навязывание религиозной тематики философам — в ущерб их интересам к проблемам естественных, общественных и гуманитарных наук. И это вполне объяснимо, но с исследованием действительного места русской религиозной философии в историческом и культурном процессе страны (тем более, мира!) не имело и не имеет ничего общего. То же самое можно сказать об исследованиях философского наследия Маркса, о русской «философии науки», о современных течениях в отечественной философии политики.

Я бы советовал не соблазняться сомнительными разделениями на парадигмы и программы, а выделять основные направления развития философии в России по тому, насколько они успешны, т.е. привлекают внимание ученых, студентов, людей искусства, политиков, как они связаны с аналогичными исследованиями в других странах с достаточно развитой философией. Место философского текста в нашей культуре определяется не тем, к какой программе или парадигме он может быть отнесен (а ведь часто так и бывает!), а тем, какой результат в нем содержится, кому и почему он интересен и полезен. Как определить эту важность и полезность — вопрос отдельный.

Ю.М.: Согласен, что парадигмы — не очень удачное и весьма условное, как Вы отмечаете, выражение применительно к философии. Вот авторы сборника «Проблемы и дискуссии в России во второй половине XX века» (отв. редактор акад. В.А. Лекторский) убеждены, что в этот исторический период были философские школы и их основатели, а также проводились дискуссии, выявляющие проблемные узлы философских исследований. Интересно, а каковы проблемные узлы сегодняшней отечественной философии? И кто из наших коллег является лидером тех или философских направлений? И если Вы считаете сомнительной роль философов в разработке программы по исследованию искусственного интеллекта, то какие ещё программы можно было бы назвать? Неужели философы, работающие последние двадцать лет, не оставили после себя заметных идей и интересных решений философских проблем?

Владимир Натанович, в Ваших словах сквозит скепсис по отношению к сегодняшнему состоянию российской философии. Вы говорите о ней как о ещё не созревшей или несостоявшейся ветви мировой философии. «... Надо выделять основные направления развития философии в России по тому, насколько они успешны, т.е. привлекают внимание ученых, студентов и т.д.». Это разговор о том, какой должна быть отечественная философия, а не о том, каковой она является на самом деле. Из этого следует, что наши

философы из-за слабости своей проблемно-исследовательской базы, заслуживают той участи, которую имеют.

В.Н.: Если Вам угодно услышать в моих словах некий скепсис, я не могу этому воспрепятствовать. «Каждый пишет, как он слышит, каждый слышит, как он дышит, как он дышит, так и пишет, не стараясь угодить». Какой должна быть отечественная философия? Я был бы её самозванцем, если бы сейчас осмелился составить для нее полный список требований и предписаний. Но сказать, какой она не должна быть, — это легче.

Прежде всего, она не должна быть соержанкой — ни науки, ни идеологии. Её задачи известны со времен оных и от них не следует отрекаться. Она не должна примазываться к достижениям ученых или послушно выполнять заказы идеологов. Ей не пристала роль имитатора кипучей деятельности, у которого одно на уме — как бы не вызвать сомнения в своей надобности, как бы подсуетиться, чтобы не отогнали от кормушки. Ей не следует виновато озираться, когда слышатся упреки в её бесполезности. Ей стыдно быть попугаем, бессмысленно повторяющим слова ученых или политиков, а то и так называемые суждения и оценки «здравого смысла».

Я ни слова не сказал о слабости «проблемно-исследовательской базы» нынешних отечественных философов. Признаюсь, я даже не совсем понимаю, о чем идет речь. Во всяком случае, я не стал бы сравнивать эту пресловутую «базу» с тем, на чем стоит «мировая философия». У разных философских течений и направлений свои исследовательские принципы и методы, а спор между ними часто бывает бессмысленным.

Когда я говорю о современном состоянии нашей философии, у меня и в мыслях нет намерения рассматривать её как уродливую «ветвь» некоего «древа» мировой философии. Если уж говорить в этих терминах, то я бы сказал, что у этого «древа» есть более сухие и «незрелые» ветви, чем современная российская философия.

Перечислить направления, по которым достаточно успешно идут мои коллеги? Они общеизвестны: история философии, социальная эпистемология, разработка типологии научной рациональности, политическая философия, философская антропология. Есть ли смысл продолжать?

Привлекают ли эти направления внимание студентов или ученых? Это другой вопрос. Не следует думать, что внимание всегда зависит от качества того, к чему оно привлекается. Например, внимание публики часто привлекают безвкусные поделки в искусстве, мерзейшие кривляния на эстраде, убудочные изыски моды, графоманские опусы и т.п. В философии — то же самое. Здесь я не хочу приводить одиозные примеры.

Но это вовсе не означает, что в философии всё обстоит хорошо и волноваться не из чего. Да, есть обещающие инициативы (например, проекты реформы понятийного аппарата эпистемологии, новации в философии политики, разработки междисциплинарной методологии науки, ряд интересных решений в области философии сознания). Но разве мы об этом собрались говорить? Что нас действительно волнует: недостаточность рекламных буклетов о деятельности философских коллективов или сложность ситуации в которых эта деятельность осуществляется сегодня?

Ваш вопрос о лидерах я оставлю без ответа. Мой взгляд тут ничего не решает и даже мог бы показаться нескромным.

Ю.М.: *Да, пожалуйста. Спрошу о другом. Можно ли рассматривать философию, с точки зрения устоявшейся социальной формы, как институт и описывать её статус в институциональных терминах? Если да, то каковы институциональные признаки рос-*

сийской философии? Или такое понимание применимо лишь к оценке развития западной философии? Может быть, философия должна оставаться делом мыслителей-одиночек? И из неё не надо делать некий институт, превращать в учреждение или учебную дисциплину в угоду научным функционерам?

В.Н.: То, что российская философия институционализована, в этом сомнения нет. Так исторически сложилось, что она главным образом проживает (пока!) в вузах — как дисциплина «общего цикла», как специальность, как то, чем заняты философские факультеты, кафедры, школы, магистратуры, аспирантуры. Защищаются диссертации, созываются конгрессы, международные конференции и пр. Есть Институт философии РАН, философия представлена в академическом истеблишменте. Издаются философские журналы.

Философия, конечно, существует и вне институциональных рамок. Философствуют ученые, поэты и писатели, педагоги, историки, политики, домохозяйки, даже военные и полицейские. Я думаю, что примерно такое же положение у философии в «развитом зарубежье». Есть и отличия, но не это важно. Помышление о том, что философия лучше будет себя чувствовать, сбросив институциональные «оковы», похоже на попытку прокрутить назад фарш. Есть необратимые процессы, и я думаю, что институционализация философии — один из них. Во всяком случае, я бы не хотел участвовать в попытках вернуть философской птичке свободу, изгнав из клетки институт. Она не успеет насладиться свободой, потому что просто издохнет.

Ю.Р.: *Владимир Натанович! Вы, как я понял, не видите различия между положением философии в России и так называемым «развитым зарубежьем». А я, в свою очередь, настаиваю на том, что философия должна сбросить с себя институциональные оковы или выпорхнуть, подобно птичке, из институциональной клетки. И я, кажется, не смог донести до Вас свой вопрос: каковы основные причины институционального кризиса нашей философии? Только ли в усилении бюрократического диктата?*

В.Н.: Поясню сказанное. Я против известных мнений о том, что институциональный характер современной отечественной философии мешает её развитию. Я уловил отзвук этих мнений и в Вашем вопросе.

Когда-то Спиноза заслужил мировую славу первоклассного мыслителя, хотя не был задействован в каких-либо институтах. Я уж не говорю о Сократе или Сковороде. Сейчас такое положение дел представляется в высшей степени невероятным.

Причины кризиса философских институтов двояки. С одной стороны, это внутренние недостатки этих институтов: слабый уровень рефлексии над своими результатами, отсутствие хороших критериев оценки этих результатов. Добавлю и углубляющийся разрыв между поколениями людей, работающих в этих институтах. Можно назвать и другие трудности, и слабости.

С другой стороны, есть и внешняя причина. Она в том, что философский институт, как правило, находится на иждивении у государства. Поэтому он испытывает на себе все прелести чиновничьего управления, которые являются неизбежной платой за те преимущества, какие связаны с государственным финансированием. Кто девушку ужинает, тот её и танцует.

Есть несколько примеров негосударственной институционализации философии. Их мало, и они ничего существенного не добавляют к тому, что уже сказано.

С зарубежными философскими институтами я не хотел бы проводить никаких сравнений. Есть сходства и различия. Тут многое зависит от культурных и нацио-

нальных традиций, от зрелости отношений между наукой и социумом, от системы образования. Изучать зарубежный опыт нужно и важно. Но ссылаться на него при принятии решений следует осторожно.

Ю.Р.: *Хорошо, продолжим. Имеется ли в России полноценное философское сообщество с разветвлённой сетью институций, международных связей и выраженной структурой лидерства? Если да, то каковы его признаки? Если нет, то что мешает ему состояться в наших условиях? Считаете ли Вы, что в нашем философском сообществе более выражено, чем на Западе, деление на «центр» и «периферию»? Что отличает «периферийную» философию? И являются ли на самом деле Москва и Санкт-Петербург, где сосредоточено большинство специалистов по философии, центрами отечественной философской мысли?*

В.П.: В России нет полноценного гражданского общества, что уж говорить о философском сообществе. Думаю, что неполноценность последнего проистекает из неполноценности первого. Что касается международных связей, то их относительная неразвитость (хотя если сравнивать нынешнее положение дел с тем, какое было, скажем, лет тридцать назад, то положительные сдвиги все-таки налицо) зависит от многих факторов, в т.ч. от бюрократических барьеров, плохого финансирования, отсутствия общих представлений о философских мейнстримах. Есть и серьезные разногласия о критериях качества философских публикаций.

Соотношение «центра» и «периферии» в российской философии неудовлетворительно. Я с уважением отношусь к коллегам по профессии из так называемых периферийных вузов и с пониманием — к их трудностям. Они общеизвестны: низкий по сравнению со столичными вузами уровень оплаты труда, более жесткий бюрократический пресс, ничтожное число высокорейтинговых специальных журналов... Перечень можно продолжить. Но, к сожалению, положение постепенно выравнивается, и не потому, что оно улучшается на «периферии». Две столицы России, добавим Нижний Новгород, Екатеринбург, Новосибирск, Томск, Ростов-на-Дону, все ещё называются философскими центрами, но понятие «центра» постепенно размывается и теряет ясный смысл.

Ю.Р.: *Должен с Вами согласиться в том, что у нас нет полноценного гражданского общества, хотя, возможно, причины его отсутствия каждый из нас назовёт разные. Но ведь научное или философское сообщество может возникать иногда вопреки тому, что пока еще не сложились развитые институты гражданского общества. И такое сообщество у нас было в советское время.*

А это значит, что не всё можно списывать на бюрократические барьеры, финансирование и пр. Что-то сегодня происходит не так и с нами. Мы меньше интересуемся творчеством друг друга. Мы не только не вписываемся в философские мейнстримы, но и не формируем собственную повестку дня. Поэтому проблема «центр — периферия» отодвигается на второй план. Увы, центр, где бы он не находился, никак не проявляет себя, а значит сдвигается вместе со всеми нашими философами на периферию.

В.П.: Ваши замечания о том, что мы во многом сами повинны в том, что философские институты в нашей стране слишком слабы, это пример поощряемой самокритики. Что тут возразить? Наши с Вами недостатки следует всенепременно исправлять. Давайте больше читать друг друга, обсуждать прочитанное, формировать собственную «повестку дня» и т.д. Кто или что мешает?

Может быть, нам мешает страх показаться худшими, чем мы являемся на деле? Что мы привыкли разукрашивать свои достижения, кичиться званиями и награда-

ми? Представлять бравурные отчеты, но мало заботиться о конкретном, реальном содержании нашей работы? Играть на дуде, которую нам подсовывают контролирующие «инстанции»?

Когда центр сдвигается на периферию, получается размазня. Философия, которая управляется (в каком бы то ни было смысле) из «центра», это что-то совсем нефилософское. Центр там, где рождаются и развиваются стоящие идеи. Были бы идеи, а геометрию философского пространства подобрать — не проблема.

Ю.М.: Владимир Натанович! Известны ли Вам философские школы в России, понимаемые как устойчивые институции со своими традициями, основателями, научными изданиями, системой подготовки кадров и т.д.? Насколько применима к нам классическая схема лидерства в науке «учитель — ученик»? При этом философской школе присваивается имя её создателя (например, школа Платона). Или Вы считаете, что у отечественной философии может быть много лидеров и анонимных центров философской мысли, конкурирующих друг с другом на парадигмальном уровне?

В.П.: То, что я выше говорил о «парадигмах» в философии, позволяет мне сократить ответ на этот вопрос. Думаю, что повышение числа «лидеров», т.е. авторитетов, оказывающих влияние на ход философских исследований и уровень философского образования, было бы крайне желательно для нашей страны. Пока что оно невелико и никакие индексы цитирования не изменили, и не изменят этого положения. Молодые исследователи приучены к тому, что привлечение иностранных источников и цитирование «громких имен», известных в Западной Европе или США, являются критериями «качества» диссертационных и иных научных работ. Философы России плохо знакомы с трудами российских же коллег, а ссылки на них слишком часто имеют комплиментарный или конъюнктурный характер.

Что касается философских школ, то, как это ни странно, их рост и известность имели место в то время, когда само их существование было негласным и чуть ли не подпольным. Об институциональных философских школах можно говорить только с натяжкой и оговорками. То же самое — о «конкуренции» между ними. Вместо этого стоило бы говорить о групповых и корпоративных предпочтениях, оказывающих влияние на состав философских коллективов, редколлегий журналов, на планирование и выпуск сериальных изданий и т.п.

Вы хотите, чтобы я назвал имена лидеров и руководителей философских школ в современной России? Зачем? Назовешь одних, забудешь других, вызовешь споры и обиды, а кому это нужно? По гамбургскому счету эти имена всем известны. Другое дело, что есть крикливые и амбициозные самозванцы, спекулирующие на критике современных философских центров России и объявляющие свои опусы новациями, которые якобы затираются и принижаются так называемыми «официальными философами», а себя «подлинными лидерами» философских школ и направлений. Все-речь обсуждать их претензии не приходится, пожалеем время.

Ю.Р.: А как Вы относитесь к такой институциональной форме, как Российское философское общество (РФО)? Считаете ли Вы достаточным для его деятельности издание Вестника РФО и проведение Российского философского конгресса? И что мешает последнему быть значительным событием мирового или хотя бы национального масштаба?

В.П.: О нынешнем состоянии РФО трудно сказать что-то определенное. Иметь свой журнал и организовывать конгрессы — хорошо. Но надо, чтобы это был замет-

ный в научной среде журнал, а конгрессы становились вехами в развитии философского сообщества. Пока — ни того, ни другого. Голос российских конгрессов почти не слышен, хотя масштабы таких мероприятий и их пиар-обеспечение вполне солидны.

Что смогли изменить в положении вузовской философии России философские конгрессы? Практически ничего. Помогли они возникновению горизонтальных связей между философскими группами и коллективами? Затрудняюсь ответить. О мировом значении таких конгрессов всерьез рассуждать не буду.

Если, как советовал Козьма Прутков, зреть в корень, то можно увидеть две главные причины слабости РФО. Первая — низкий уровень профессиональной самоорганизации, отсутствие серьезной мотивации у членов РФО к деятельному участию в его работе. Вторая — сомнительный престиж философии в интеллектуальной и духовной среде России, и как следствие — пренебрежительное, формальное отношение научного истеблишмента, властных и политических структур к философии вообще и к философскому сообществу, в частности.

Можно ли что-то изменить в этом отношении? Не знаю. Хотелось бы надеяться. Но дел здесь — непочатый край.

Ю.Р.: Поскольку я имею прямое отношение к организации РФО, мне важно от Вас услышать отзывы о его работе. Кстати, советую посмотреть последние выпуски журнала «Вестник РФО» на сайте. Они изменились как по содержанию, так и объему. Что же касается Конгресса, то нам не удалось его провести в этом году, как мы планировали. Вмешался коронавирус, и пришлось отложить на целый год.

Ваше понимание причин слабости РФО я разделяю. Не буду утверждать, что какие философы, такое и общество. Но вполне допускаю снижение престижа философии в российском обществе. А вот сетовать на власть и её негативное отношение к философии не буду. Разве нас можно уважать, если мы в полный голос о себе не заявляем и не отстаиваем свои интересы на всех уровнях организации власти. Мы не участвуем в общественных дискуссиях, занимаясь своими «внутренними» проблемами, которые малоинтересны не только власти, но и общественности. Возможно, этим должно заниматься РФО. Вот «пройдёт» пандемия и, если будем здоровы, займемся организацией сообщества. А сейчас время, благоприятное для накопления сил и идей. Может быть, и Вы что-нибудь подскажите.

В.П.: И снова я сожалею, что так услышан Вами, будто я только и делаю, что сетую на власть. Я говорю о коренных причинах упадка, которые следует искать, как я думаю, в состоянии нынешней культуры, соучастниками которой мы с Вами являемся. Роль власти и бюрократии в этом упадке значительна, этого отрицать невозможно. Но, разумеется, ответственность лежит и на нас, как слишком пассивных «претерпевателях». Можно ли нас за это уважать? В отличие от дяди Евгения Онегина, мы не можем никого заставить, но, может быть, удастся выдумать что-нибудь получше.

Что до Конгресса, то, даст Бог, он все-таки состоится, если нам суждено пережить нынешнюю беду, то мы увидим это и поучаствуем в его работе. Говорят, что после пандемии мир уже не останется прежним. Сейчас множество людей прогнозируют коренные изменения, которые неизбежны. Говорят о новой роли Интернета, о переходе на он-лайн множества рабочих мест, о перевороте в системах образования. Меньше говорят о перестройке системы управления, о новых подходах к организации общества, о новых функциях власти и новых формах её отношения с обществом.

Грядут радикальные перемены в отношениях между людьми, полами, поколениями.

Затронут ли такие же значимые изменения нашу философию? Ворвется ли будущий Конгресс свежим ветром в ее замкнутое пространство? Хорошо бы. Я знаком с некоторыми материалами, присланными на Конгресс, там нет и надежды на это. Если так, то что сказать или подсказать? Будем и дальше накапливать идеи и силы?

Ю.Р.: *Владимир Натанович! В чём Вы видите необходимость сохранения обязательного преподавания философии в университетах страны? Если это необходимо, то зачем? Если нет, то в каком виде философия должна присутствовать в современных университетах? Что делать с тем, что в случае отрицательного решения будут упразднены кафедры философии в отечественных вузах и останутся безработными тысячи преподавателей философии? Ведь философам, чтобы выжить, придётся поменять род своей профессиональной деятельности. А ведь для них это смысложизненный и судьбоносный вопрос.*

В.П.: Я уже сказал о незавидном состоянии вузовской (в первую очередь — университетской) философии. Но было бы ошибкой связывать его только с недостатками нынешнего философского профессионального круга.

Включение философии в ряд так называемых ДОЦов (дисциплин общего цикла) произошло в свое время по традиции. В советское время эта традиция обросла идеологическим смыслом. Когда это время кончилось, попытались оживить лозунги, по которым философия — основа мировоззрения и каркас высшего образования. Но действительность противилась этим лозунгам. Высшее образование постепенно, но неуклонно превращалось в то, чем оно, по сути, и является сейчас — фабрикой компетенций, потребных для занятия ниши на рынке труда. Это голая правда, а философские «финтифлюшки», прикрывающие эту наготу, стали излишними. Традиция особого (привилегированного) положения философии в системе высшего образования еще кое-как поддерживалась — по инерции. Но это не могло продолжаться бесконечно.

Если главная цель университетского образования — профессиональные компетенции, то кто же убедит студентов в том, что для овладения этими компетенциями нужна какая-то философия? Даже если курсы философии интересны сами по себе и возбуждают молодую любознательность, все равно они рассматриваются как необязательное, но трудоемкое занятие. Что и говорить, далеко не все курсы, выстроенные по матрице государственного стандарта, обладают высоким уровнем актуальности, занимательности и связаны с новейшими результатами науки.

Поэтому, если завтра курсы философии в университетах отменят, переведут в разряд факультативных или так называемых on-line или blended-courses (в этих импортно-звучащих упаковках заключена простая мысль — философия есть нечто не достойное серьезного внимания и труда), если, повторю, это произойдет (уже происходит!), то большинство студентов и аспирантов примут эту новацию со вздохом облегчения и одобрения.

Vox populi vox Dei. Конечно, этот глас народа — не более, чем предсказуемая реакция на изменившиеся правила игры, на новый смысл «высшего образования», вытеснивший из поля культурных ценностей проекты великого В. Гумбольдта. Что же в таком случае можно сказать о необходимости вузовской философии? Если она действительно необходима, то негодна нынешняя система высшего образования. Если система отвечает каким-то неизбежным потребностям современной жизни, то философия в ней практически излишня.

Можно ли избежать этой странной дилеммы? Не знаю. Мое личное убеждение — выпадение философии из высшего образования (будем называть вещи своими именами!) есть симптом культурной катастрофы. Надо признать, что катастрофа уже случилась, а не предвидится в будущем. Её последствия уже вполне очевидны. Приходится думать, как жить в пост-катастрофическое время.

Наверное, можно как-то продлить существование вузовской философии, придумывая для нее формы приспособления к новой реальности. Например, можно читать курсы по «критическому мышлению» — компиляцию логической пропедевтики с элементами теории аргументации. Студенты узнают, какими приемами можно убедить оппонента или заставить его «раскрыть карты», не дать ему морочить голову имитациями рациональных рассуждений. Такие курсы уже с успехом читаются. Можно подверстать философию к «междисциплинарным проектам» самого разного толка. Как это совместить со статусом вузовского преподавателя, не знаю и не хочу ломать голову над этой бюрократической проблемой.

Ю.Р.: Согласен с Вами в том, что мы переживаем время культурной катастрофы. Поддерживаю также Вас в том, что одна из главных причин кризиса философии заключается в «компетентностном» подходе к организации высшего образования. Но меня не покидает ощущение собственной вины за происходящее. В какой момент нас отодвинули от обсуждения проблем высшего образования и навязали чуждую нам логику? Почему институт экспертов перестал существовать и нам теперь спускают сверху непопулярные и порой бесплодные решения, подготовленные на скорую руку какими-то сомнительными лицами или НКО? А главное — остался ли у нас хоть малейший шанс вернуться к системе университетского образования по проекту Гумбольдта?

В.П.: Мы с Вами, кажется, испытываем сходные чувства. Во всяком случае ни с себя, ни с моих коллег я этой вины не снимаю. Но не станем изображать раскаяние Магдалины. Время всем нам воздаст по заслугам. Что сможем и успеем, может быть, еще исправим. На возрождение проекта Гумбольдта я не надеюсь. Это невозможно. Нужно не возвращаться, а идти вперед. Как и куда идти — здесь философы могли бы высказать свои мнения. Они разные, я знаю позиции некоторых своих коллег, с которыми не согласен. Они сводятся к тому, что университет должен приспособиться к изменившимся запросам к образованию. примерно так, как магазин готового платья следит за изменившимися вкусами покупателей. Я думаю иначе. Университет должен формировать запросы, указывать им направление развития. Он не поставщик образовательных услуг, а конструктор социально-культурного запроса. Это сфера науки, а не одного только коммерческого менеджмента.

Консолидированного мнения относительно проекта высшего образования вообще и философского образования, в частности, не будет, никакой Конгресс этого не сделает. Вот высказать свое мнение относительно возможного свертывания вузовской философии, он может и должен. Посмотрим, как получится.

Ю.Р.: А как Вы относитесь к нынешней системе научного рейтинга в России (показатели Хирш и пр.)? Насколько она позволяет зафиксировать личный вклад того или иного исследователя в развитие философии и науки? Каким бы был, на Ваш взгляд, индекс Хирша у М. Хайдеггера, если бы он сейчас был жив? Измерим ли в принципе масштаб деятельности философа?

В.П.: Применение наукометрии оправдывается потребностью в оптимизации управления наукой и высшим образованием. Это инструмент диагностики. И как

всякий инструмент, он способен принести какую-то пользу, если его применяют с умом.

Об этом уже сказано так много, что добавить к сказанному почти нечего. Можно ещё раз обратить внимание на вредные, дискредитирующие науку и её этос, последствия огульного применения наукометрических показателей для оценки личного или коллективного статуса ученых и научных организаций. За короткий срок возникла индустрия, фабрикующая всевозможные рейтинги и приносящая фальшивомонетчикам от науки соблазнительные доходы.

В философии это проявляется, возможно, ещё безобразнее, чем в других областях науки. Число публикаций растет по экспоненте, а заметного приращения идейного содержания нет и не предвидится. Гонку за наукометрическими показателями можно уподобить стремлению к спортивным успехам за счет допингов. Пусть это сравнение хромает, но оно передает суть дела.

В перекладывании оценки научных статусов на плечи наукометрии (оставлю в стороне вопрос о качестве её методов) я вижу признак недоверия к мнениям научных экспертов. Об истоках недоверия можно говорить отдельно, но ясно, что именно оно сейчас определяет отношения между теми, кто работает в науке, и теми, кому поручено управлять этой работой, пользуясь рычагами финансирования и организации.

Не хочу поминать имена выдающихся философов и ученых всеу. Это относится и к М. Хайдеггеру, и к некоторым нашим соотечественникам. Слава богу, они не дожили до того, как об их роли в философии стали бы говорить в терминах «индекса Хирша», или называя количество их статей, опубликованных в журналах группы Q1.

Как измерять масштаб деятельности философа? В двух словах не ответишь. Скажу только, что многое зависит от целей и ценностей тех, кто берется за это дело. В любом случае, этим должны заниматься люди, обладающие личным авторитетом в профессиональной среде. Будут ли они при этом использовать наукометрические показатели, это дело их совести и свободы. Но, в конечном счете, вопрос решается не отдельными людьми, а всем процессом развития философской мысли, ставшей культурным достоянием.

Ю.М.: Владимир Натанович! Спасибо Вам за честные и откровенные ответы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современная отечественная философия: люди, система идей и институты (С.С. Аванесов, А.М. Бекарев, Ф.И. Гиренок, П.С. Гуревич, И.И. Докучаев, И.Т. Касавин, С.В. Комаров, В.А. Конев, А.А. Кузьмин, А.Л. Никифоров, А.М. Орехов, К.С. Пигров, М.А. Пронин, В.И. Разумов, Ю.М. Резник, В.М. Розин, О.А. Скоркин, И.П. Смирнов, С.А. Смирнов, Г.Л. Тульчинский, В.Н. Щербина) // Личность. Культура. Общество. – 2017. – Т. 19. – Вып. 3-4 (№№ 95-96). – С. 131-198.

BIBLIOGRAPHY

1. Sovremennaya otechestvennaya filosofiya: lyudi, sistema idey i instituty (S.S. Avanesov, A.M. Bekarev, F.I. Girenok, P.S. Gurevich, I.I. Dokuchayev, I.T. Kasavin, S.V. Komarov, V.A. Konev, A.A. Kuzmin, A.L. Nikiforov, A.M. Orekhov, K.S. Pigrov, M.A. Pronin, V.I. Razumov, Yu.M. Reznik, V.M. Rozin, O.A. Skorkin, I.P. Smirnov, S.A. Smirnov, G.L. Tulchinskiy, V.N. Shcherbina) // Lichnost. Kultura. Obshchestvo. – 2017. – T. 19. – Vyp. 3-4 (№№ 95-96). – S. 131-198.

Поступила в редакцию 23.03.2020 г. (№ 2369)